

ПРОЦЕСС РАСКУЛАЧИВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ КУЗБАССА В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

Ефремов Илья Денисович

Аспирант, Кемеровский государственный университет,
Муниципальное автономное образовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная школа №93»
Efremov2907.97@mail.ru

THE PROCESS OF DISPOSSESSION OF PEASANT FARMS IN KUZBASS IN THE EARLY 1930S

E. Efremov

Summary: The article is devoted to the characteristics of the process of dispossession of peasant farms located on the territory of the modern Kemerovo region. The issues of the ideological and legal justification for the liquidation of the kulaks, as well as the algorithm of the policy of dispossession, are considered. The problems faced by both party workers and the peasants themselves during the transfer of the village to the so-called "socialist rails" are considered in detail. On the other hand, the article describes the methods and methods by which the kulaks and their sympathizers tried to resist the mechanism of state coercion. The question is also raised about the attitude towards the kulaks in the village itself and about the influence of ideological and explanatory work on it by the party. The statistics of the growth and development of collective farms in Kuzbass in the early 1930s are given. The novelty of the research is seen in the widespread use of previously unpublished party and state documents from the collections of the State Archive of the Novosibirsk region.

Keywords: Kuzbass, Kuznetsk district, collectivization, dispossession, collective farms, kulaks, agriculture, village, liquidation of kulaks.

Аннотация: Статья посвящена характеристике процесса раскулачивания крестьянских хозяйств, располагавшихся на территории современной Кемеровской области. Рассматриваются вопросы идеологического и юридического обоснования ликвидации кулачества, а также непосредственно алгоритм проведения политики раскулачивания. Подробно рассматриваются проблемы, с которыми сталкивались как партийные работники, так и сами крестьяне в ходе перевода деревни на так называемые «социалистические рельсы». С другой стороны, в статье описываются методы и способы, с помощью которых кулаки и им сочувствующие пытались противостоять механизму государственного принуждения. Также поднимается вопрос об отношении к кулакам в самой деревне и о влиянии на него идеологической и разъяснительной работы со стороны партии. Приводится статистика роста и развития колхозов в Кузбассе в начале 1930-х годов. Новизна исследования видится в широком использовании ранее не публиковавшихся партийно-государственных документов из фондов Государственного архива Новосибирской области.

Ключевые слова: Кузбасс, Кузнецкий округ, коллективизация, раскулачивание, колхозы, кулаки, сельское хозяйство, деревня, ликвидация кулачества.

Проведение коллективизации в деревне было неразрывно связано с процессом ликвидации кулачества как класса, или, иначе говоря, раскулачиванием. Раскулачивание – массовое преследование крестьян по имущественному признаку, проводившееся большевиками в период с 1930 по 1954 годы. Политика ликвидации кулачества совпала с принудительной заготовкой хлеба и явилась одним из методов проведения сплошной коллективизации в деревне. Безусловно, раскулачивание – одна из самых драматичных страниц истории нашего государства в XX веке. И она не обошла стороной Кузбасс.

Провозглашенную в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. стратегию ликвидации кулачества как класса использовали для принятия конкретных мер [1, С. 126–130]. При этом нужно учитывать, что уже с весны 1930 г. речь шла, фактически, о ликвидации бывших кулацких хозяйств, поскольку постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля того же года они лишались возможности

арендовать землю и использовать чужой труд. Данное постановление открыло дорогу легализации деятельности внесудебных органов на местах, в том числе и известным тройкам [2, С. 120–121].

В Кузбассе всеобщее раскулачивание началось после выхода постановления бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б) от 2 февраля 1930 года. На места были разосланы телеграммы за подписью секретаря Сибкрайкома Р.И. Эйхе. Одну из таких телеграмм получил 5 февраля 1930 года секретарь Кузнецкого окружкома ВКП(б), находившегося в г. Щегловске. В ней разъяснялись детали грядущей кампании и указывалось, что нельзя раскулачивать хозяйства, в составе которых имелись красноармейцы и комсостав. 11 февраля дополнительным постановлением Сибкрайкома, которое имело гриф «Совершенно секретно», устанавливались задания по раскулачиванию. В нем сообщалось, что в Сибири будет перемещено в «отдаленные необжитые районы» 30 000 кулацких хозяйств 2-й категории. В их числе — 725 хозяйств Кузнецкого округа, члены которых должны перемещаться в Приангарский район Канского округа

(ныне — Красноярского края) [3]. По данным исследователя В.П. Данилова, на конец апреля 1930 г. в Сибкрае подверглись раскулачиванию 59238 хозяйств, из них в Кузнецком округе – 2357 хозяйств [4, С. 243]. На основе постановления Бюро Сибкрайкома от 27 апреля 1931 года в села отправлялись районные работники в качестве уполномоченных для руководства ходом проведения экспроприации и ликвидации кулачества. В районах же создавались пятерки, которые должны были руководить процессом. Кроме того, для практического руководства в работе уполномоченных райаппаратом ОГПУ были разработаны и утверждены специальные инструкции [5, С. 32].

Механизм раскулачивания выглядел следующим образом. На первом этапе Сибкрайком партии совместно с Сибкрайисполкомом утверждали в крае и по округам общее количество хозяйств. Исходя из этого, средний показатель хозяйств кулаков был определен в 5,6%. На втором этапе под 5,6% подводилось количество крепких хозяйств, предназначенных к раскулачиванию. Цифры распределялись по округам для исполнения. Руководство же округов распределяло их по районам [6, С. 23]. О том, как должен был проводиться процесс выявления кулацких хозяйств и утверждения их к выселению, можно узнать из докладной записки уполномоченного ЗСКИК по Беловскому району по выполнению специальных заданий товарища Шарыгина. Так, сначала создавалась районная пятерка. Она должна была оформлять и утверждать кулацкие хозяйства к выселению и экспроприации имущества. Затем, в каждый сельсовет посылались уполномоченные РИКа для проведения практических мероприятий по экспроприации имущества и выселению кулаков. Как правило, уполномоченные имели с собой «достаточный инструктаж и письменный материал», то есть памятки. Наконец, производились непосредственные выезды на места, в сельсоветы, для наблюдения за действиями вышеупомянутых уполномоченных РИКа и самих сельсоветов в части выявления и установления кулацких хозяйств. Уже после проведения всей подготовительной работы в пятерку поступал материал на кулаков для утверждения к выселению. Все утвержденные и выселенные хозяйства, по словам тов. Шарыгина, обсуждались на бедняцких и колхозных собраниях, утверждались на президиумах и пленумах сельсоветов. Таким образом, можно говорить о том, что при проведении политики ликвидации кулачества выявлялись или, по крайней мере, должны были выявляться всесторонние и установленные признаки эксплуатации и нетрудового дохода кулаков, после чего вносились в письменные характеристики и фиксировались в протоколах. На деле же, и это видно из многочисленных свободных источников, такой алгоритм действий парторганами соблюдался далеко не всегда [7, С. 4].

Руководство налоговой кампанией проходило через посылку уполномоченных РИКа и РК в сельсоветы

на продолжительную работу в этой области. С председателями и секретарями сельсоветов проводились инструктивные совещания, также давались и письменные указания. Однако даже такая работа не могла полностью исключить недостаточную или даже плохую работу уполномоченных и секретарей. К проявлявшим бездеятельность уполномоченным и председателям применялись репрессии, включительно до отдачи под суд [8, С. 8–9]]. Что же включала в себя разъяснительная работа, которую проводили в деревне уполномоченные и парторганы? В первую очередь, конечно, предполагалось проводить собрания среди деревенской бедноты, середняков, колхозников. Собрания проводились по сельсоветам, также были общие гражданские собрания. Помимо вышеперечисленных собраний, в ряде сельсоветов уполномоченными проводились лекции и беседы с колхозниками, единоличниками, бедняками и середняками. Разумеется, темами таких лекций были непосредственно коллективизация и ликвидация кулачества как класса [9, С. 3].

Однако, несмотря на наличие целого ряда директив и проведение совещаний по вопросу о ликвидации кулачества как класса, все же имелись случаи прямого извращения партийных установок, как со стороны районных организаций, так и со стороны районных уполномоченных. Так, зачастую, конфискации имущества подвергались середняцкие хозяйства и даже хозяйства семей красноармейцев [10, С. 110]. В процессе раскулачивания широкое распространение имели мародерство и расхищение кулацкого имущества работниками районного и сельского советского аппарата. Порой нарушения доходили до того, что экспроприация проходила под знаком массовой распродажи кулацких хозяйств «с молотка вплоть до белья» [11, С. 117–119], причем такой распродаже было подвергнуто сравнительно большое число середняцких хозяйств. Несмотря на очень тщательное инструктирование, «до мелочей», в ряде сельсоветов Кузнецкого округа в ходе работ по выселению кулаков были допущены грубейшие искривления и ошибки, мелкие недоразумения. Например, работа по коллективизации в Березовском районе не носила массового и систематического характера, а проводилась «от случая к случаю». В ряде сельсоветов района массовая работа по вопросам коллективизации и посевной кампании отсутствовала; в тех же, где работа все-таки проводилась, могли быть другие проблемы, тормозившие посевную кампанию. Например, в Березовке очень сильным было кулацкое влияние, направленное против колхозов, а в Шипиловском сельсовете имелось «до 20 баптистов, сильно влияющих на коллективизацию и противодействующих партийной массовой работе» [12, С. 40]. В некоторых сельсоветах проявляли совершенно преступное отношение к вопросам обеспечения выселяемых крестьян продуктами по предложенной норме и средствами производства. Часто сельсоветы при выезде кулаков не производили проверку их обеспеченности.

Кулакам могли дать «вшивых, чрезвычайно изможденных» лошадей или «совершенно разрушенные» телеги [Там же, С. 44]. Партийцы и комсомольцы не проявляли политической устойчивости, не принимали должного участия в работе, по сути, сами не понимая ее политического значения. В Березовском районе, например, районный партийный актив проявил в работе по выселению кулаков значительную политическую неподготовленность и неумение ориентироваться в том или ином случае [Там же, С. 45].

Член ВКП(б) И.С. Лушин в ноябре 1931 года писал о возможных недостатках в работе партии по выявлению кулачества. По его мнению, главная проблема заключалась в том, что окончательное оформление кулацких дел для индивидуального обложения проходило очень медленно. Объяснял он это рядом причин. Во-первых, «общей неразворотливостью» партийных уполномоченных. Во-вторых, трудностями в оформлении, поскольку приходилось иметь дело с наиболее замаскированной частью кулачества. В-третьих, настроениями отдельных партийцев, ячеек и сельсоветов, считавших, что «кулаков всех ликвидировали и их больше нет» [8, С. 11]. В записке о ходе весенней сельскохозяйственной кампании по Кузнецкому округу приводились основные ошибки, допущенные в работе по коллективизации. Во-первых, был нарушен ленинский принцип добровольности при организации колхозов и выборе устава. Во-вторых, нарушен принцип учета разнообразия условий в различных районах. В-третьих, нарушен принцип «не обгонять развитие масс, <...> а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, помогая им убеждаться на своем собственном опыте». В-четвертых, в погоне за бешеным темпом коллективизации организационными и хозяйственными мероприятиями были очень слабо закреплены уже достигнутые успехи. Именно эти ошибки предупредили развал ряда колхозов и массовый отлив из них крестьян [13, С. 14].

С проводившейся политикой раскулачивания крестьяне, подходящие под определение кулаков, пытались бороться самыми разными методами. В число оных можно включить следующие: поджоги, срывы собраний и планов хлебозаготовок, убийство скота и так далее. Зачастую кулаки не сами участвовали в подобных акциях, а привлекали родственников. Так, в сентябре 1929 года в деревне Комаровка Поломошинского района одно из собраний было сорвано подкулачниками, которых возглавлял человек по фамилии Кравец, являвшийся братом местного лишенца. В результате этих действий план хлебозаготовок на собрании принят не был. В этом же районе, но уже в деревне Марковкиной, собрание было сорвано из-за поджога бани. В Кулаковском сельсовете все того же Поломошинского района примерно в то же время у бедняка-активиста был зарезан теленок – разумеется, все подозрения сразу же пали на кого-то из кулаков, хотя точно неизвестно, кто это сделал. Зафик-

сированы также случаи, когда отдельные бедняцкие собрания обсуждали план по пять-шесть часов, при этом так и не решаясь его принять. В то же время общее собрание могло принять план намного быстрее – за полчаса. Конечно, в большинстве случаев попытки кулаков противостоять политике раскулачивания и хлебозаготовок не имели особого успеха. Как правило, кулаков либо их родственников сразу же удаляли, а сорванные собрания созывались снова на следующий день. Здесь уже планы спокойно принимались [14, С. 3].

Что еще могли устраивать кулаки? Например, был случай, когда во время выселения женщина из числа кулаков выбежала на улицу и закричала, что ее грабят и убивают. Из более общественно опасных проявлений кулацких выступлений можно выделить следующее. В селе Каргала (ныне – Томская область) один кулак сначала подпоил троих бедняков, затем «предложил им рубить и ломать свой дом». Закончилось выступление стрельбой в окна из дробовиков по тракторам, работавшим за селом [12, С. 44]. Совершенно обыденным было такое явление, как бегство кулаков. Большая часть сбежавших приходилась на период между объявлением о выселении и непосредственно началом выселения. Бывало и так, что кулаки сбежали во время пересылки от сельсовета до сборного пункта. Большое количество сбежавших кулаков можно объяснить, в первую очередь, беспечностью уполномоченных РИКа и сельсоветов [Там же, С. 46].

Вообще, методы кулаков были разные: от агитации среди женщин против коллективизации до распространения слухов о бандах, готовых прийти в любое село и перебить там весь актив, а в первую очередь тех, кто пойдет в колхоз. Т. н. «здоровая критика» состояния колхозов, не получавшая должного направления со стороны партячеек и сельсоветов, также использовалась кулаками в их борьбе с раскулачиванием. Такая кулацкая агитация, не встречающая отпора со стороны сельсоветов и партячеек, находила отражение среди отдельных бедняков, вызывая у них, как минимум, выжидательные настроения. И подобная ситуация наблюдалась в целом ряде сел Березовского района [Там же, С. 41]. В качестве одного из методов борьбы кулаков с проведением коллективизации и хлебозаготовок можно назвать саботирование процессов уборки и молотбы хлеба. Крестьяне могли отказываться от участия в обмолоте хлеба или же не давать своих машин для уборки хлеба в бедняцких хозяйствах [14, С. 2].

Разумеется, нельзя говорить, что абсолютно все кулацкие методы не имели особого успеха. Одним из направлений, на котором кулаки действовали более-менее удачно, являлась идеологическая работа с бедняками и середняками. Под влиянием кулаков деревенская беднота при обсуждении планов хлебосдачи высказывала опасения, что «если сдать и вывезти хлеб, то и самим нечего есть будет». Помимо этого, кулаки так-

же отождествляли хлебозаготовки с подразверсткой, распускали слухи о войне. В ряде деревень распускались слухи, будто «хлеб у крестьян берут для того, чтобы весь отправить за границу в виде помощи заграничным коммунистам». Но не только бедняки и середняки поддавались кулацким настроениям. В партийной документации встречаются также сообщения о том, что «низовой советский аппарат кое-где поддался кулацким настроениям» [14, С. 4]. Как правило, характерных выступлений со стороны колхозников, бедноты и середняков как при обсуждении вопроса о выселении, так и непосредственно при самом выселении, не возникало. Исключения составляли выступления родственников выселяемых, которые, совершенно естественно, старались доказать, что их близкие не являются кулаками [12, С. 43]. В конце мая 1931 года секретарь Кузнецкого сельского РК ВКП(б) Беспалов в своей докладной записке упоминал, что за время выселения кулачества из пределов Кузнецкого района в селах не было «никаких волынок и эксцессов». По мнению Беспалова, настроение основных колхозных и бедняцко-середняцких масс района было удовлетворительным [9, С. 4].

Уполномоченный ЗСКИК по Беловскому району по выполнению специальных заданий товарищ Шарыгин в своей записке также упоминает о настроениях в деревне и отношении крестьян к кулакам. По словам Шарыгина, колхозники и бедняки были очень активными в обсуждении кандидатур к выселению, и почти все прямо заявляли, что «пока кулака не выселим из деревни, в колхозах проку мало будет». В одном из сел был случай, когда колхозники согласились со словами одного старика, утверждавшего, что «кулаки мешают нам строить коллективное хозяйство, они над нами смеются, да нередко и вредят, вот как всех кулаков выселят, так войдут в колхозы и остальные бедняки и середняки». Конечно, эти случаи не дают точной картины взаимоотношений между кулаками и прочими категориями крестьян, поскольку не совсем понятно, чем было вызвано такое отношение: разъяснительной работой партработников и уполномоченных или же просто банальной завистью к более зажиточным соседям. Однако сам факт наличия таких настроений в деревне, как минимум, показывает, что далеко не все крестьяне воспринимали ликвидацию кулачества как трагедию и, тем более, попытку окончательно задавить деревню. Об этом же может говорить и тот факт, что в 1931 году в селах Беловского района почти нигде выселение кулаков сопровождалось уже не проводами, а выкриками «по заслугам» и «туда и дорога» [7, С. 5].

Что касается отношения к кулакам среди самих крестьян, то оно было несколько противоречивым. Помимо помощи и поддержки, оказываемых кулакам в их противостоянии коллективизации, бывало и так, что крестьяне выступали против них. Такой случай, к примеру, был описан партийным работником Бурумовым в его письме

товарищу Горбунову от 17 мая 1931 года. Бурумов сообщал, что в селах Березовского района после собраний колхозников и бедноты, на которых обсуждался вопрос о выселении кулаков, крестьяне подавали заявления о вступлении в колхозы. Как правило, заявления подавали, в основном, бедняки, то есть та группа крестьян, которая ранее относилась к вопросу вступления в колхозы «выжидательно». Бурумов совершенно справедливо отмечал, что вступление в колхозы новых членов имело место в тех селах, где массовая разъяснительная работа с беднотой и выявление кулаков были проведены уполномоченными удовлетворительно и даже более. В тех же селах, где партийная работа была проведена слабо и неудовлетворительно, наоборот, начинались побег из деревни. Причем убегали как середняки, так и зажиточные крестьяне, которых «задели при выявлении кулаков». Сбежать пытались также и те, кто был намечен к выселению [15, С. 28]. Вместе с тем, в деревнях и селах к кулакам не всегда относились плохо. Известны случаи проявления симпатии или, как минимум, жалости к ним со стороны других крестьян. Например, на женском собрании вполне реальными были выступления, в которых кулаков называли «мучениками». Могли также просить не выселять кулаков, обещая взамен пойти в колхозы «всем селом» [Там же, С. 29].

Слабая работа с беднотой, почти полное отсутствие работы с женщинами и молодежью, слабое привлечение середняков к проработке материалов по выселению кулачества, наличие в некоторых сельсоветах перегибов в отношении середняков – вот одни из причин, приводивших к слабым темпам коллективизации и ликвидации кулачества. В тех же селах и сельсоветах, где массовая работа была поставлена хорошо и вопросы колхозного строительства стали достоянием широких масс, имелись значительные сдвиги в темпах коллективизации и выселения кулаков [12, С. 46]. Так, за период июня-августа 1931 года в Горно-Шорском районе было выявлено 316 кулацких хозяйств, что составляло на тот момент 3,8% от общего числа хозяйств в районе. Для сравнения, за тот же период 1930 года было выявлено и обложено всего 44 хозяйства. Таким образом, можно сказать, что всего за год число выявленных кулацких хозяйств в Горно-Шорском районе выросло на 720%. Конечно, не нужно забывать, что этими цифрами наличие кулацких хозяйств в районе не исчерпывалось [8, С. 8].

К 10 сентября 1930 года в пяти районах Западно-Сибирского края (Бачатский, Краснинский, Кузнецкий, Топкинский, Прокопьевский) количество кулацких хозяйств составляло 1879 хозяйств, из них раскулачено было 1298 хозяйств. Больше всего раскулаченных хозяйств было в Топкинском (376) и Прокопьевском (347) районах. При этом следует отметить, что в Прокопьевском районе всего было выявлено 347 кулацких хозяйств – то есть, по сути, раскулачены были все кулацкие хозяйства района. По остальным районам края на начало сентября сведе-

ний о количестве раскулаченных хозяйств не было. Из 1298 раскулаченных кулацких хозяйств этих пяти районов 168 хозяйств были середняцкими. Эти цифры показывают, что в каждом районе края при проведении политики ликвидации кулачества были допущены серьезные ошибки, и в первую очередь – были задеты середняки. Как сообщалось в сводке о ходе весенней сельхоз кампании по округу от 20 сентября 1930 года, партийные работники, в погоне за высокими процентами коллективизации, «подорвали единый фронт рабочего класса и деревенской бедноты, оттолкнув часть середняков». Таким образом, была создана база для кулачества в его борьбе с партийными мероприятиями в области хлебозаготовок [13, С. 15]. В Кузнецком округе в период с 1 октября 1929 года по 10 апреля 1930 года количество колхозов выросло со 197 единиц до 324, а количество хозяйств в них – с 3937 до 16521 соответственно. Едоков в них насчитывалось 74160 человек. В процентном отношении охват колхозами крестьянских дворов в округе на апрель 1930 года составлял 22,4%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на массовый отлив из колхозов, в целом же процесс коллективизации проходил довольно успешно [Там же, С. 16].

Таким образом, подводя некий итог, можно без преувеличения сказать, что политика раскулачивания – это один из самых действенных, но в то же время страшных

методов проведения сплошной коллективизации. Несмотря на наличие директив, регулирующих раскулачивание, при его проведении также допускались грубейшие извращения и перегибы. В процессе раскулачивания широкое распространение имели место мародерство и расхищение кулацкого имущества работниками районного и сельского советского аппарата. Советская власть проводила планомерную последовательную идеологическую пропаганду, а по сути своей настоящую войну, направленную против кулаков: их обвиняли во всех ошибках и грехах, объявляли врагами народа, а в средствах массовой информации образ кулаков вообще практически демонизировался. Неудивительно, что крестьяне действительно начали настороженно, а то и с враждебностью относиться к тем, кого хотя бы подозревали в причастности к кулачеству. С другой стороны, как бы ни старалась советская пропаганда, все же большинство крестьян считало кулаков не врагами, а всего лишь трудолюбивыми и честными хозяевами. Однако идеологический раскол, на который, судя по всему, и рассчитывала партия, произошел и, к тому же, сильно повлиял на деревню. В то же время, несмотря на довольно обширный ряд ошибок и перегибов, процесс коллективизации на территории современной Кемеровской области, как и в других регионах СССР, стал условием выхода страны из кризиса хлебозаготовок, перевода деревни на социалистический путь и проведения индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. 2000. С. 126–130.
2. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. – Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1992. С. 120–121.
3. Шуранов Н.П. История Кузбасса. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2006. – 360 с.
4. Данилов В.П. Коллективизация: как это было. // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 448 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 127. Л. 32.
6. Озерова О.А. Применение насильственных методов и репрессий в период сплошной коллективизации в 1930–1932 гг. (на примере тюркских народов Западной Сибири). // Омский научный вестник. Исторические науки. №5 (112). 2012. – Омск, 2012. С. 22–25.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 74. Л. 4–7.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 92. Л. 8–11.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 127. Л. 3–4.
10. Постановление бюро Томского окружкома ВКП(б) и президиума окружной контрольной комиссии о грубейших нарушениях директив партии при раскулачивании в Мариинском районе. 15 февраля 1930 г. // Неизвестный Кузбасс: сб. архивных документов. Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925–1941). 2005. С. 110.
11. Докладная записка уполномоченного Ленинского райкома ВКП(б) Овчинникова в Кузнецкий окружком ВКП(б) «по вопросу о ненормальностях в ходе работ по экспроприации кулачества» в районе. 3 марта 1930 г. // Неизвестный Кузбасс: сб. архивных документов. Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925–1941). 2005. С. 117–119.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 75. Л. 39–47.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4264. Л. 11–18.
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3607. Л. 2–4.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 75. Л. 28–29.

© Ефремов Илья Денисович (Efremov2907.97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»